

— Молодой господин когда-нибудь слышал о бессмертных духах?

Услышав женский голос, Минну покачал головой. Щеки его невольно вспыхнули румянцем, и он смущенно опустил глаза.

— Я читал немного... и многого не знаю.

— Что это за место?

— Там мой дом. Если молодой господин когда-нибудь окажется в тех краях, сможет ли он забрать мои кости и вернуть их на родину?

Эти слова прозвучали тихо, почти невесомо. За спиной Минну внезапно стало пусто — ощущение чужого веса исчезло. В ушах на миг воцарилась глухая тишина. Предчувствуя неладное, он медленно обернулся.

Женщина, стоявшая сзади, бесследно растаяла в воздухе. Лишь бледный, холодный луч света на миг преломился в полумраке, и на землю с тихим стуком упала фаланга пальца.

Белая кость была слишком крупной для женщины. Осознав это, Минну нагнулся и подобрал ее. Пальцы обожгло холодом. Удлиненная, с ровными краями — эта фаланга определенно принадлежала мужчине.

По спине пробежал ледяной озноб. С кем он только что говорил? Это был не живой человек, а мертвец. Та женщина уже давно стала призраком.

Поколебавшись мгновение, Минну посмотрел на бледную кость, мирно лежащую на ладони, а затем сжал кулак и спрятал ее в складках одежд.

Небо на востоке едва начало сереть. Минну шел не торопясь. Добраться до Цзянь Сюэхэ можно было лишь одним путем — обогнув гору Лицюань с тыльной стороны, и спешить ему было незачем.

Полузабытое место, отмеченное на карте, он отыскал лишь к полудню. Преодолев мрачный, сырой подземный ход, Минну очутился в древнем подземном святилище, где тысячу лет назад поклонялись божествам и духам.

В те далекие времена вера процветала, храмы и величественные пагоды возводились повсюду, и этот подземный чертог когда-то поражал своим величием.

На потолке, укрытые в тени массивных балок, еще теплились тусклые огоньки Ярких пламенных фонарей — редкие искры, едва разгонявшие вековую тьму.

Достав из узелка свечу, Минну зажег ее. Сквозняк заколыхал слабое пламя, но его блеклого света хватило, чтобы выхватить из темноты край алого одеяния.

У подножия расколотого изваяния, полузаваленный обломками, неподвижно лежал Цзянь Сюэхэ. Тяжелая каменная глыба придавила его плечо. Лицо юноши было белым как мел, веки плотно сомкнуты, спиной он опирался на холодный камень.

Темные волосы живописным беспорядком разметались вокруг головы. Его Снежный меч, испачканный кровью из разбитой ладони, намертво застрял в расщелине между валунами.

Лишь одинокая свеча слабо разгоняла мрак заброшенного зала.

— Цзянь Сюэхэ, — тихо позвал Минну.

Тот не шелохнулся.

Цзянь Сюэхэ пребывал в глубоком беспамятстве, но его сознание еще не полностью угасло. Сквозь плотную пелену забытья до него донесся тихий, вкрадчивый юношеский голос, коснувшийся уха нежнее птичьего пуха.

Затем все стихло. Сюэхэ чувствовал: Минну стоит совсем рядом. Направленный на него взгляд был пристальным, осторожным и наполненным какими-то едва уловимыми, сложными чувствами.

Сюэхэ чутко уловил в нем глухую обиду и затаенную злость.

А в следующий миг до его слуха донесся скрежет металла по камню.

Минну, приложив немало усилий, все же ухитрился вытащить Снежный меч из расщелины. Оружие оказалось на удивление тяжелым, а его эфес и лезвие покрывала липкая кровь Цзянь Сюэхэ.

Острые клинка зловеще блеснуло в полумраке. Одно точечное движение, легкий нажим — и жизнь Цзянь Сюэхэ оборвется прямо здесь, в этой всеми забытой пещере. И никто никогда ничего не узнает.

Пусть госпожа Цзянь позже догадается обо всем, ему к тому времени нужно лишь успеть сбежать подальше отсюда.

Минну застыл с мечом в руках. Его взгляд медленно скользил по бледному лицу юноши — от тонких бровей до четко очерченной линии подбородка. Медленно, преодолевая дрожь в пальцах, он поднял клинок.

Но мгновение спустя опустил его.

Вид крови внушал ему непреодолимый, липкий страх. Минну не любил убивать столь грубо. Вместо этого он опустился на колени и обхватил шею Цзянь Сюэхэ обеими руками. В этот раз он вложил в хватку всю свою силу.

Ходили слухи, будто демонические заклинатели и злые духи испытывают упоение, лишая кого-то жизни. Сердце Минну бешено колотилось в груди. Перед ним лежал его злейший враг, тот, кто обрек его на смерть в прошлой жизни. Разве мог он сейчас проявить слабость?

Воспоминания о пережитых страданиях ослепили его, заставляя сжимать пальцы все сильнее. Лицо Цзянь Сюэхэ стало мертвенно-бледным. Даже в беспамятстве он почувствовал удушье, и его кожа начала медленно приобретать синеватый оттенок.

Тонкие, хрупкие пальцы Минну окоченели. Дыхание Цзянь Сюэхэ становилось все более прерывистым, едва различимым. И в этот критический момент в памяти Минну неожиданно всплыли слова покойной няни.

«Тот, кто заберет чужую жизнь, непременно поплатится за это перед небесами»

Минну никогда не отличался удачливостью. Напротив, все невзгоды так и так сыпались на него, тогда как Цзянь Сюэхэ словно родился под счастливой звездой. Убей он его сейчас, судьба наверняка распорядится так, что ему придется заплатить собственной жизнью.

Минну словно проткнули иголкой — вся его решимость разом испарилась. Он безвольно разжал пальцы и тяжело опустился на землю перед бесчувственным юношей. Ладони его были влажными от пота.

Некоторое время он сидел неподвижно, пытаясь унять дрожь и тупо глядя на собственные ладони. Наконец решение созрело. Сейчас его главная цель — вырваться из поместья Цзян, и без помощи Цзянь Сюэхэ ему не обойтись.

«Если в будущем представится случай, я просто оставлю его погибать. Не стану прикладывать к этому руку, и тогда кара за убийство меня не настигнет»

Успокоив себя этими мыслями, Минну почувствовал, как веки тяжелеют. Сказалось действие благовоний, которые он зажигал ранее. Облокотившись на холодный бок глыбы, он закрыл глаза и провалился в глубокий сон.

Он так и не заметил, как сразу после этого лежащий рядом юноша медленно приоткрыл глаза.

Чье-то присутствие ощущалось почти физически. На него смотрели в упор — тяжело, бесстрастно, словно дикий хищник из темной чащи, пытающийся разглядеть в своей добыче

скрытые намерения.

Стоило Минну приоткрыть веки, как он натолкнулся на пристальный взгляд Цзянь Сюэхэ. На бледной шее юноши отчетливо выделялись багровые следы чужих пальцев, но сам он, не мигая, смотрел прямо на него.

В его узких фениксовых глазах застыла холодная, непроглядная мгла, напоминающая бездонную горную пропасть.

У Минну испуганно зашумело в ушах. В памяти мгновенно ожило все, что он творил перед сном. Неужели Цзянь Сюэхэ пришел в себя гораздо раньше?

— Брат Хэ... ты давно очнулся? — тихо спросил Минну, тщательно подбирая слова. Сердце его тревожно забилося.

— Только что, — бесстрастно отозвался Цзянь Сюэхэ, по-прежнему опираясь спиной о каменную стену. — Как ты здесь оказался?

— Я очень за тебя беспокоился, вот и пошел искать. По дороге заблудился в лесной чаще, а потом случайно наткнулся на этот проход, — ответил Минну, но под пристальным взглядом собеседника поспешно отвел глаза.

— Вот как? И когда ты пришел, заметил ли что-нибудь необычное?

Голос Цзянь Сюэхэ звучал ровно и неторопливо, хотя его дыхание оставалось слабым, а лицо — смертельно бледным.

Минну лихорадочно соображал, как объяснить появление багровых следов на шее юноши. Но тот сам невольно подсказал ему спасительную ложь, и Минну поспешил за нее ухватиться.

— Я ничего не заметил. Как только пришел сюда, на меня навалилась такая усталость, что я сразу уснул. Брат Хэ, у меня ведь совсем нет духовных сил, я ничего в этом не смыслю. Твои раны... они тяжелые? Давай я помогу тебе...

На лице Минну отразилась крайняя тревога, однако он упорно избегал прямого контакта глаз. Цзянь Сюэхэ пристально вгляделся в него. Щеки мальчишки горели легким румянцем — то ли от недавнего сна, то ли от неловкости из-за явного вранья.

К тому же Минну спал, прислонившись к той самой глыбе, которая придавила Цзянь Сюэхэ. Тяжелый обломок продолжал сдавливать грудь Сюэхэ; каждое движение и вдох отзывались резкой болью в горле, а во рту стоял стойкий привкус крови.

Чувствуя на себе этот испытующий взгляд и понимая, что его подозревают, Минну пересилил страх. Из всех сил сохраняя невозмутимость, он вновь подобрал Снежный меч. Просунув лезвие под каменную глыбу и используя его как рычаг, он навалился всем телом и сумел сдвинуть камень в сторону.

Раздался глухой, скрежещущий звук. Когда глыба сдвинулась, Минну принялся придирчиво осматривать повреждения. Кровь на запястьях юноши уже запеклась, ноги на первый взгляд казались целыми, хотя истинный масштаб травм оставался неясным.

В прошлой жизни Цзянь Сюэхэ провел под этим завалом трое суток и после спасения пролежал в бесспамятстве еще два дня. Теперь же, когда Минну пришел гораздо раньше, юноша выглядел подозрительно бодрым.

В глубине души Минну ощутил легкое разочарование. Напустив на себя встревоженный вид, он уставился на Цзянь Сюэхэ своими глубокими темными глазами:

— Брат Хэ, ты сможешь подняться?

Слова сочувствия лились рекой, однако сам Минну предусмотрительно отошел подальше, даже не думая протянуть руку помощи.

Лицо Цзянь Сюэхэ оставалось мертвенно-бледным, уголок губ окрасила тонкая струйка свежей крови. Он слегка опустил густые темные ресницы, скрывая глубокие, как ночные чернила, зрачки.

— Сейчас — не смогу.

В зале воцарилась неловкая тишина. Минну промолчал. Предложить донести его на собственной спине он не решался — слишком уж натянутыми были их отношения в поместье. За один сегодняшний день они обменялись большим количеством фраз, чем за всю свою прошлую жизнь.

Но как бы холодны они ни были друг к другу, формально они считались названными братьями. Бросить раненого здесь означало бы выдать свои истинные намерения.

Пока Минну напряженно размышлял над выходом из положения, Цзянь Сюэхэ негромко произнес:

— Чего ты хочешь?

Он явно разгадал нехитрые мотивы Минну и решил спросить напрямую.

Щеки Минну мгновенно обдало жаром. Поняв, что скрывать корысть бессмысленно, он устремил взгляд на раненого юношу.

«Так даже лучше. Как только окажусь в Академии, наши пути разойдутся, и я смогу сбежать»

— Я никогда не покидал стен поместья и даже не знаю грамоты, — негромко признался Минну.
— Я хочу поехать с тобой в Академию Пути Меча.

Минну затаил дыхание, боясь услышать отказ, но ответ Цзянь Сюэхэ прозвучал на удивление быстро:

— Хорошо.

— Что-то еще? — в голосе юноши проступили ледяные нотки.

Минну покачал головой:

— Нет. Но тебе придется самому поговорить об этом с госпожой Цзянь.

Когда сделка была заключена, Минну наконец подошел ближе и слегка наклонился перед раненым.

Тело его еще не успело полностью сформироваться и выглядело хрупким, почти девичьим. Тем не менее под тонкими одеждами угадывалось безупречное изящество костей. Когда он повернул голову, приоткрывая тонкую шею, его длинные влажные ресницы отбросили мягкую тень на бледную кожу щек.

На его плечи легла тяжелая ноша. В нос Минну ударил тонкий, прохладный аромат снега — этот запах всегда незримым шлейфом тянулся за Цзянь Сюэхэ. Преодолевая слабость, Минну уперся руками в колени и выпрямился, взвалив раненого на спину.

Помня о своей легенде, он спросил:

— Брат Хэ, а ты помнишь обратную дорогу?

Цзянь Сюэхэ мельком глянул на карту в руках Минну, но тут же спокойно соврал:

— Меня перенесло сюда проклятием злого духа, так что я понятия не имею, куда идти.

Его ложь казалась безупречной, однако едва они приблизились к первой развилке в подземном лабиринте, как лежавший на его плечах юноша негромко скомандовал:

— Направо.

Минну точно знал, что выход находится слева. Он на мгновение замер. Спиной он чувствовал, как Цзянь Сюэхэ внимательно наблюдает за его реакцией. Стиснув зубы, Минну бросил короткий взгляд в сторону левого прохода, но спорить не решился и послушно повернул направо.

Правый коридор оказался гораздо уже предыдущего. Тащить на себе взрослого юношу по тесному лазу было невероятно тяжело. Лоб Минну быстро покрылся крупными каплями холодного пота. Цзянь Сюэхэ молчал, подавая голос лишь на развилках, чтобы указать нужное направление.

Они выбрались на свежий воздух лишь спустя целый час. На обратный путь Минну потратил вчетверо больше времени, чем на дорогу сюда. Если бы он доверился собственной карте, а не указаниям попутчика, они бы уже давно были на воле.

Минну взмок от макушки до пят. Липкий, неприятный пот струился по его шее, щеки горели от изнеможения. Из последних сил добравшись до ближайшего дерева, он бесцеремонно спустил Цзянь Сюэхэ на землю.

— Брат Хэ, я больше не могу сделать ни шагу.

Едва договорив, он без лишних церемоний прислонил раненого к стволу. Сам Цзянь Сюэхэ за все время пути, казалось, ничуть не пострадал — его лицо оставалось бледным, но в остальном он выглядел совершенно невозмутимо.

Минну тяжело дышал, его тонкие пальцы покраснели и онемели от напряжения, а лицо залил густой румянец.

Цзянь Сюэхэ безучастно скользнул по нему взглядом своих темных фениксовых глаз и ровно произнес:

— Спасибо за труды.

<http://bllate.org/book/20439/2115390>